Р193
791

ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ

ф1-79
8075

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(ЖИЗНЬ И РАБОТА)

28-19180

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

К, 42. Гиз № 20951/л.
Ленинградский Областлит № 1483.
1 3/8 л. Тираж 30.000.

Писатель Максим Горький (его настоящее имя — Алексей Максимович Пешков) родился в 1868 году, в городе Нижнем-Новгороде.

Отец его, Максим Савватиевич Пешков, рабочий-столяр, много претерпел в молодости. Еще ребенком он пять раз убегал из дому от жестоких побоев. Семнадцати лет он совсем ушел из семьи, скитался по Сибири и Уралу, водил слепых по ярмаркам, а попав в Нижний, стал на работу у подрядчика-столяра. Мастерская, в которой работал Пешков, была по соседству с красильным заведением Каширины. Он знакомится с дочерью Каширина, и от брака с ней рождается будущий писатель. Максим Савватиевич умер рано, когда сыну его, Алексею, было всего четыре года. Вскоре умерла и его мать, оставив мальчика круглым сиротой. Став писателем, Алексей Максимович взял себе имя отца, прибавив к нему прозвище Горький, в память

его и своих горьких скитаний. После смерти отца Алексей Пешков, — будущий Максим Горький, — жил у своего деда по матери, красильщика Каширина.

Жизнь Горького в доме деда была нерадостной. Озорство взрослых, пьяные драки, издевательства над слабыми и малыми, истязания, — в такой тяжелой обстановке рос мальчик. Единственным светлым воспоминанием детства была для него бабушка Акулина Ивановна Каширина. Она рассказывала ему стихами много сказок и былей и учила его видеть в людях не только дурное, но и хорошее. Ее любовь к людям обогатила Горького, насытив его крепкой силой для трудной и суровой жизни.

Вскоре красильщик разорился и впал в нищету. Чтобы помочь бабушке, Горький собирал по дворам и по улицам говяжьи кости, тряпки, бумагу, гвозди. Пуд тряпок и бумаги ветошники покупали по двугривенному, пуд костей по гривеннику или по восьми копеек.

Десяти лет Горького отправляют на службу — «в люди». Сперва он служил мальчиком в магазине обуви. Но однажды, разогревая хозяину обед, обварил

себе руки кипящими щами и был отослан хозяином домой. Когда руки зажили, дед послал Горького в ученики к чертежнику. Ремеслу чертежника его, однако, не учили, и вместо того он один исполнял обязанности кухарки, горничной, няньки и мальчика на побегушках. Работа эта была очень тяжела, но бабушка упросила Алешу «потерпеть», надеясь, что через эту службу он выйдет в люди.

Перетерпев зиму, Горький весной все-таки убежал от чертежника и поступил поваренком на пароход. Его начальник, пароходный повар Смурый, из солдат, стал его первым учителем. Сам большой любитель книг он приохотил к чтению и своего поваренка. «Книги и всякую печатную бумагу, — говорит Горький, — я ненавидел до этой поры, но побоями и ласками мой учитель заставил меня убедиться в великом значении книги и полюбить ее».

Однако, несладко жилось Горькому и на пароходе. Официанты и посудники старались причинить ему всякие неприятности и злились на него за то, что Смурый всегда брал его под свою защиту. Кончилось тем, что им удалось-таки оклеветать

поваренка в воровстве посуды, и по приезде в Нижний буфетчик рассчитал Горького. Это была несправедливость, которая тяжело легла в памяти Горького.

Пришлось опять итти к чертежнику. Снова началась для него трудная жизнь в четырех стенах душного мещанского дома. Но теперь ему было легче. Отовсюду, где только можно было, доставал он книги и жадно читал их, урывая каждую свободную минуту. Хозяева преследовали его за чтение, били его, отбирали у него книги и уничтожали их. Горький уходил читать в сарай, на чердак, читал ночью, при свете луны или самодельного светильника.

Однажды хозяева так сильно избили мальчика, что пришлось его везти в больницу. Жаловаться на хозяев Горький отказался, но зато потребовал у них, чтобы не запрещали ему читать в свободное от работы время. Так он завоевал себе право читать книги.

Дом, в котором жил чертежник, принадлежал подрядчику землекопных и мостовых работ. Остробородый, сероглазый, он был всегда зол, груб и жесток. У него было человек тридцать рабочих. Жили они в темном подвале с цементным полом и маленькими окнами. В сыром подвале было душно и всегда угарно от огромной печи. Вечерами, измученные работой землекопы выползали на грязный двор. Подрядчик появлялся тогда в окне своей комнаты и орал:

— Эй вы, дьяволы, опять во двор выползли? Развалились, свиньи! У меня в дому хорошие люди живут, али им приятно глядеть на вас!

И рабочие покорно уходили в подвал.

В воскресные дни подрядчик выходил на крыльцо и садился на ступеньки с длинной узкой книжкой в одной руке, с обломком карандаша в другой; к нему гуськом, один за другим, подходили землекопы, точно нищие. Они говорили пониженным голосом, кланялись и почесывались, а подрядчик орал на весь двор:

— Ладно, будет! Бери целковый! Чего? А в морду хочешь? Хватит с вас! Иди прочь...

Горький пытливо всматривался в то, как живут люди, сравнивая их жизнь с той хорошей жизнью, о которой он читал в книгах. И тринадцатилетний мальчишка, задерганный тяжелой работой, обижаемый

дурацкой руганью, он давал сам себе торжественное обещание помочь людям, честно послужить им, когда вырастет.

От чертежника Горький перешел в иконописную мастерскую. Мастера-иконописцы полюбили его за то, что он был хорошим рассказчиком и чтецом, занимавшим их в длинные дни их скучной и нудной работы.

Но не сиделось Горькому на месте. Дикая жизнь мастерового того времени, беспросыпное пьянство, грязь, ссоры и пьяные драки угнетали его. Он не видел в своей жизни никакого пути.

«Надобно что-нибудь делать с собой, а то пропаду», — думал он и решил ехать в Казань, учиться в университете. Он мечтал стать ученым и тогда, вооружившись знанием, придумать много благодеяний для земли, по которой так трудно было ходить не только ему одному.

Из книг Горький знал, что были случаи, когда простые рабочие становились знаменитыми учеными. К тому же он был уверен, что в университетах учат даром всех желающих. Он приехал в Казань, но все оказалось не так. Чтобы попасть

в университет, нужно было сдать экзамены по таким наукам, о которых он и не слыхал раньше. Вместо университета Горький попадает на казанские пристани грузчиком. Там он грузит баржи, таскает тяжести, пилит дрова. А в дождливые дни он, не имея крова, отсиживается на пустыре, в подвале большого полуразрушенного дома, куда забредали только бездомные кошки и собаки.

Наступили холода, нужно было искать место на зиму. Случай помог Горькому попасть на работу в крендельную пекарню, на три рубля в месяц.

«Это была самая тяжкая работа из всех опробованных мною», — вспоминал потом Горький. В душном закоптелом подвале пекари работали по четырнадцати часов в день. Стекла окон были побиты, замазаны тестом, снаружи обрызганы грязью. В углах, как старое тряпье, висели клочья паутины, покрытые мучной пылью. Восемнадцать рабочих сидело за длинным столом, без передышки работая над изготовлением кренделей. Лица их, сонные и унылые, мало отличались одно от другого, на всех лежало одинаковое выражение сер-

ПУБЛ. ... БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА

дитой усталости. Работа была изнурительная и часто сопровождалась окриками и озорством пьяницы-хозяина.

Когда наступала очередь Горького укладывать крендели, он, стоя у стола и пользуясь свободной минутой, рассказывал ребятам все, что знал и что, по его мнению, могло бы внушить им надежду на более легкую и разумную жизнь.

Горький убеждал крендельщиков сопротивляться хозяйскому самодурству, но успеха в этом не имел. Слишком забиты еще в то время были рабочие, слишком велик был еще их страх перед хозяином и мало еще верили они в свою силу. Хозяин же, узнав о том, какие разговоры ведет Горький, стал подвергать его тяжелым наказаниям. Горький чувствовал, что не одолеть ему хозяина, что жизнь его опять зашла в тупик, некому было помочь ему, указать, каким путем ему итти.

В один из таких тяжелых дней Горький решился на поступок, о котором потом вспоминал со стыдом. Он купил на базаре старый тульский револьвер. В ржавом барабане торчало пять круглых, как орехи, серых пуль, вымазанных салом и покры-

тых грязью, а шестое отверстие было заряжено пылью. Горький пошел за город, выбрал место на высоком берегу реки, за оградой монастыря. Там под гору сваливали снег. Он рассчитал, что если он станет спиной к обрыву и выстрелит себе в грудь, то скатится вниз, и его засыплет снегом. Однако, выстрел был не смертельный. Пуля не задела сердца, только пробила грудь и засела под кожею спины. Горький упал не назад, а лицом в снег. Его нашли и свезли в больницу. Рана зажила довольно быстро, и Горький выздоровел.

Конечно, не один он думал над тем, как помочь рабочим и крестьянам улучшить свою жизнь. В то время по всей России существовали кружки революционной молодежи, в которых велись долгие споры о том, как и когда произойдет революция. Были такие кружки интеллигентов и в Казани. Сперва Горький увлекся их спорами, потом почувствовал, что революционеры-то они больше на словах, чем на деле. А они смотрели на Горького покровительственно, как на «интересного парня из народа», и хвастались им друг перед

другом, точно мальчишки, нашедшие на мостовой медный пятак.

Горького все это очень тяготило. Но один из казанских интеллигентов, Ромась, серьезный революционер, бывший в сибирской ссылке, посмотрел на Горького иначе. Он оценил его способности и умение работать.

В целях революционной пропаганды среди крестьян Ромась задумал открыть в деревне мелочную лавку и предложил Горькому помогать ему в работе. Лавочка эта была открыта Ромасем не для наживы, а для того, чтобы сплотить около нее крестьян-бедняков. Поэтому Ромась продавал товары дешевле, чем другие лавочники-мироеды, и подговаривал крестьян, чтобы они не поддавались богатеям и кулакам, а сами бы артельно заботились о себе, продавая и покупая нужные товары сообща, обществом. Другими словами, он еще в то время, — сорок лет назад, — учил крестьян тому, что теперь у нас называется кооперацией.

Богатеи и кулаки были очень злы на него. Вскоре один из преданных Ромасю мужиков был неизвестно кем убит и брошен в

Волгу. В Ромася стреляли ночью из ружья, нападали и на Горького. Потом начинили полено порохом, полено взорвало печь в избе, занимаемой Ромасем, и чуть не разрушило избу. А когда и это не помогло, подожгли избу и лавку.

Во время пожара Горький едва не погиб, спасая на чердаке книги Ромася.

«Вышвырнув их в окно, — рассказывал Горький, — я захотел отправить вслед за ними ящик шапок, окно было узко для него, тогда я начал выбивать косяки полупудовой гирей, но, — глухо бухнуло, на крышу сильно плеснуло, я понял, что это взорвалась бочка керосина, крыша надо мной запылала, затрещала, мимо окна лилась, заглядывая в него, рыжая струя огня, и мне стало нестерпимо жарко. Бросился к лестнице, — густые облака дыма поднимались навстречу мне, по ступенькам вползали багровые змеи, а внизу, в сенях, так трещало, точно чьи-то железные зубы грызли дерево. Я — растерялся. Ослепленный дымом, задыхаясь, я стоял неподвижно какие-то бесконечные секунды. В слуховое окно над лестницей заглянула рыжебородая, желтая ро-

жа, судорожно искривилась, исчезла, и тотчас же крышу пронзили кровавые копья пламени.

Помню, мне казалось, что волосы на голове моей трещат, и кроме этого я не слышал иных звуков. Понимал, что — погиб, отяжелели ноги, и было больно глазам, хотя я закрыл их руками.

Мудрый инстинкт жизни подсказал мне единственный путь спасения — я схватил в охапку мой тюфяк, подушку, связку мочала, окутал голову овчинным тулупом Ромася и выпрыгнул в окно».

Пожар истребил одиннадцать домов. Богатеи стали обвинять в поджоге Ромася, пытались бить его и Горького и наверное убили бы. Этого не случилось только благодаря непоколебимому спокойствию Ромася и недюжинной силе Горького.

Так, сила и злоба кулацкой деревни сломили эту попытку общественной работы среди крестьян.

Неутомимый Ромась после разорения лавочки поехал в другую губернию продолжать работу, а Горький отправился в долгие странствия по России. Они вызваны были желанием больше видеть и

знать страну, в которой он жил — понять, чем живут люди, и найти, наконец, среди них свое место.

Он рыбачит на берегах Каспийского моря, служит ночным сторожем в Тамбовской губернии, весовщиком на Волго-Донской железной дороге, продавцом баварского кваса в Нижнем, писцом у адвоката.

Он исходил Россию вдоль и поперек, побывал и на Волге, и на Украине, и в Крыму, и в Бессарабии. Через три года, поздней осенью 1891 года, он приходит пешком в столицу Кавказа — Тифлис.

В Тифлисе Горький поступает на работу в железнодорожные мастерские и сближается с рабочей молодежью Тифлиса.

К тому времени интеллигентские революционные кружки все больше заменялись рабочими кружками, в которых изучали книги Карла Маркса. Маркс первый указал рабочему классу путь к победе над эксплуататорскими классами через организованное рабочее движение. В Тифлисе Горький примыкает к рабочему движению, участвует в рабочих кружках, ведет пропаганду и с этих пор становится на примете у царских жандармов.

На Кавказе происходит и другое, еще более важное событие в его жизни. Горький, обогащенный впечатлениями от своих долгих странствий, любил рассказывать обо всем, что видел и слышал; рассказчик он был замечательный, и слушали его всегда с интересом. Но одного из тифлисских друзей Горького — А. М. Калюжного — поразило это умение, и он убедил Горького отложить все другие дела свои и начать писать художественные произведения. «Пиши все, что видел, — говорил Калюжный,— пусть читатель узнает все, что узнал ты за долгие годы скитаний, это поможет ему рассудить, как лучше устроить жизнь».

Он заставил Горького написать первый рассказ, который и был напечатан в газете «Кавказ» в 1892 году. С этого времени и появляется новое имя в русской литературе: *Максим Горький*.

Так Горький стал писателем. Мечты его детства и юности осуществлялись — он нашел путь, коим мог помогать людям в борьбе за лучшую и более разумную жизнь.

Из Тифлиса Горький возвращается в Нижний, куда его звали друзья. В Нижнем он продолжает писать рассказы, печатая их в местных газетах, а также в московских и петербургских журналах.

Он упорно работает над собой, а известный писатель Короленко, тоже живший в то время в Нижнем, учит его, как надо описывать людей: не прикрашивая их, а такими, какими он, Максим Горький, видел их в своей жизни.

Когда через несколько лет были напечатаны первые книги рассказов Горького, успех их был так велик, что писатель сделался знаменитым не только в России, но и за границей.

Почему же такой успех имели его рассказы?

Потому что все почувствовали в них бодрый призыв к тому, чтобы изменить жизнь к лучшему, что бы не бояться хозяев царской России, возложивших на трудящееся население тяжелое бремя.

То было время, когда, после многочисленных арестов, казней и ссылок в Сибирь, уныние охватило всех революционных работников. Стали думать и так, что вообще никакая борьба за улучшение участи рабочих и крестьян невозможна и не-

нужна, что каждый должен делать свое маленькое дело, не вмешиваясь в общественные дела.

Таким положением и пользовались купцы и фабриканты, всячески эксплуатируя трудовое население. А за этими крупными хищниками тянулись и помельче: богатейшее кулачество и мещанство.

Только группа первых марксистов (последователей учения Карла Маркса) неустанно продолжала учить, что борьба — еще впереди, что нужно готовиться к грядущей революции, во главе которой встанет новый класс — организованный пролетариат.

Ко времени выступления Горького, общественная жизнь России сдвинулась с мертвой точки. Голод 1891 — 1892 годов, обрушившийся на крестьянство громадным бедствием, пробудил от спячки лучшие силы интеллигенции, вызвав организацию помощи голодающим, и вместе с тем заставил ее снова убедиться в том, что никакая работа на помощь народу не возможна в тисках царско-полицейского режима.

С другой стороны быстрый рост фабрик и заводов укрепил рабочий класс и вызвал еще небывалое в России рабочее движение, сопровождавшееся массовыми забастовками и жестокой расправой правительства. Оправдывалось предсказание марксистов о значении рабочего класса в грядущей революции.

И вот, в эту-то эпоху общего брожения и накопления сил для будущей борьбы и явился Горький. Все современники помнят его первые выступления и свидетельствуют о том необычайно бодром и радостном впечатлении, которое оставляли его рассказы.

Потому что в годы, когда все сильнее и сильнее давила на трудящиеся массы самодержавная власть в союзе с классом помещиков и капиталистов, Горький в своих рассказах показал людей, не подчиняющихся этому гнету, предпочитающих даже бездомную и бродячую жизнь тому, чтобы фабриканты, лавочники и помещики эксплуатировали их труд.

Героями своих произведений Горький избрал до той поры людей невиданных в русской литературе. Его «босяки» — люди, своей охотой, покинувшие мещанскую среду ради вольных скитаний или выбро-

шенные разоряющейся деревней и не ужившиеся в городе в тисках капиталистов, — все, они, однако, несмотря на горькие невзгоды, проникнуты упорной волей, протестом против всякого гнета и жаждою жить во что бы то ни стало.

Таких людей Горький встречал во время своих скитаний. И он нарисовал их живо, ярко, с большим талантом рассказчика. Лучшие из этих рассказов: «Челкаш», «Коновалов», «Бывшие люди».

Вот эти настроения, этот призыв к бодрости и борьбе за улучшение жизни рабочих и крестьян и создал Горькому огромную известность.

Сперва все газеты и журналы хвалили Горького как нового, замечательного писателя. Но вскоре те газеты, которые служили господствующим классам — эксплуататорам, раскусили, что рассказы и пьесы Горького агитируют за угнетенный трудовой народ — против буржуазии и помещиков. В романе «Фома Гордеев» прямо говорилось, какими плутнями иногда добывают себе состояние купцы. А пьеса «На дне», — в которой «босяки», люди выброшенные из господского, «хорошего об-

щества», говорят бунтарские речи, — была даже запрещена во многих театрах.

С этих пор начались нападки на Горького со стороны буржуазной печати и преследования со стороны царской власти.

Но страна уже просыпалась. Царско-полицейские скрепы, которыми была она скована, начинали уже трещать. Вот почему нельзя было заставить Горького замолчать. Наоборот, каждое его новое выступление подхватывалось революционной частью общества, особенно молодежью, и особенно восторженно была встречена «Песня о Буревестнике», которую Горький написал по поводу начавшихся волнений рабочих и студентов. Буревестник — птица, которая кричит перед бурей, как бы призывая ее скорейший приход.

Все понимали, что буря, это — приближающаяся революция.

Вот эта песня:

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая

к тучам, он кричит, и тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный, демон бури, — и смеется и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет. Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

С этого времени самого Горького стали называть «Буревестником», отмечая этим его роль вдохновителя революционных настроений. Эта роль его была настолько видна, что правительство решило его арестовать и после месяца тюрьмы сослало в уездный город Арзамас.

Но известность Горького от того лишь еще более возрасла, а с наступлением «бури» — революции 1905 года — события вынесли «Буревестника» высоко на гребень революционной волны.

Первые раскаты революции раздались еще в январе 1905 года, когда рабочие

петербургских фабрик и заводов направились к царю требовать от него помощи и защиты от эксплуататоров. Все помнят, как царь приказал расстрелять мирную толпу рабочих, показав им, какой «защиты» могут они от него ждать. Это было Кровавое Воскресенье 9 января 1905 года.

О том, что рабочие, подбиваемые попом Гапоном, хотят итти к царю, известно было за несколько дней до 9 января. Известно было и то, что ничего хорошего для рабочих из этого не получится.

Горький, взволнованный надвигающимися событиями, в числе других писателей, обратился к царским министрам с требованием отменить приказ о встрече рабочих оружием. Когда это не помогло и расстрел мирных и безоружных рабочих совершился, Горький составил воззвание к народу, в котором клеймил это беззаконие и призывал к свержению самодержавия. Распространить воззвание не успели, потому что при обыске его нашли и Горький был арестован. Его заключили в Петропавловскую крепость и готовили над ним суд. Это вызвало возмущение не только у

нас, но и за границей. Во всех крупных городах Европы стали устраиваться демонстрации и митинги в защиту Горького. А когда пронесся слух о том, что Горькому может грозить смертная казнь, во всех углах мира стали называть его имя с требованием освобождения Горького.

Царское правительство испугалось. Горького освободили из крепости, и дело о нем замяли. Но Горький-то не оставил этого дела. Он написал рассказ под названием «9 января», в котором изобразил все события этого страшного дня. Рассказ этот должны знать все русские рабочие и крестьяне, чтобы помнить, как царское правительство заставляло забитых и замордованных солдат-крестьян стрелять в своего же брата-рабочего и как кровожаден был царь и его прислужники.

Вот одна из картин этого рассказа:

...Вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной цепью солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец, лязг сабель, звон шпор, команда, топот колебался под окнами.

Со всех сторон на солдат напирали плотной массой люди, десятки тысяч холодно озлобленных людей. Рота солдат, опираясь одним флангом о стену здания, другим — о железную решетку сада, преграждала дорогу на площадь к дворцу. Вплоть к ней, лицом к лицу стояла толпа, бесчисленно большая, немая, черная.

— Расходись, господа! — вполголоса говорил фельдфебель. Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы нас не пускаете? — спрашивали его.

— Куда?

— К царю!

Фельдфебель на секунду остановился и с чувством, похожим на уныние, воскликнул:

— Да я же говорю — нет его!

— Царя нет?

— Ну, да! Сказано вам нет и — ступайте!

— Совсем нет царя? — настойчиво допрашивал иронический голос.

Фельдфебель снова остановился, поднял руку.

— За такие слова берегись!

И другим тоном объяснил:

— В городе — нет его.

Из толпы ответили:

— Нигде нет!

— Кончился!..

— Расстреляли вы его, дьяволы!

— Вы думали — народ убиваете?

— Народ — не убьешь!.. Его на все хватит...

— Вы царя убили, — понимаете?

— Отойди, господа! Не разговаривай!

В другом месте старичок с бородкой клином воодушевленно говорил солдатам:

— Вы — люди, мы — тоже! Сейчас вы в шинелях, завтра — в кафтанах. Работать захотите, есть понадобится. Работы нет, есть нечего. Придется и вам, ребята, так же вот, как мы... Стрелять, значит, в вас надо будет? Убивать, за то, что голодаете вы, а?

Солдатам было холодно. Они переминались с ноги на ногу, били каблуками в землю, терли уши, перебрасывая ружье из руки в руку. Слушая речи, вздыхали, двигали глазами туда и сюда, чмокали озябшими губами. На лицах, посиневших от холода, лежало что-то однообразно унылое, растерянное, туповатое, глаза мигали, прятались. От их серой, скучной линии веяло усталостью, тоской.

Люди стояли против них грудь с грудью и, поддаваясь толчкам сзади, порою толкали солдат.

— Тише! — негромко отзывался серый человек.

Иные брали солдат за руки, горячо говоря им

что-то. Солдаты слушали мигая, лица кривились неопределенными гримасами, и нечто жалкое, робкое являлось на них.

— Не трог ружо! — сказал один из них молодому парню в мохнатой шапке. А тот тыкал солдата пальцем в грудь и говорил:

— Ты солдат, а не палач... Тебя позвали защищать Россию от врагов, а заставляют расстреливать народ... Пойми. Народ — это и есть Россия!

— Мы — не стреляем, — ответил солдат.

— Гляди — вот стоит Россия, русский народ! Он желает видеть своего царя...

Кто-то перебил речь, крикнув:

— Не желает!

— Что в том худого, что народ захотел поговорить с царем о своих делах? Ну, скажи, а?

— Не знаю я! — сказал солдат сплевывая.

Сосед его добавил:

— Не велено нам разговаривать...

Уныло вздохнул и опустил глаза...

Один солдатик вдруг ласково спросил стоявшего перед ним:

— Земляк, — не рязанский будете?

— Псковской... А что?

— Так... Я — рязанский...

И широко улыбнувшись, зябко передернул плечами.

Люди колыхались перед ровной серой стеной, бились об нее, как волны о камни берега. Отходили, снова возвращались. Едва ли многие понимали, зачем они здесь, чего хотят и ждут? Было горькое чувство обиды, возмущения, у многих — желание мести, это всех связывало, удерживало на улице, но не на кого было излить эти чувства, некому — мстить... Солдаты не возбуждали злобы, не раздражали — они были просто тупы, несчастны, иззябли, многие не могли сдержать дрожи в теле, тряслись, стучали зубами.

— С четырех часов утра стоим! — говорили они.

— Просто беда.

— Ложись и — помирай...

— Уйти бы вам, а? И мы бы в казармы, в тепло пошли...

— Сколько время-то?

Было около двух часов.

— Чего вы беспокоитесь? Чего ждете? — говорил фельдфебель.

Его слова, солидное лицо и серьезный, уверенный тон охлаждали людей. Во всем, что он говорил, был как бы особый смысл, более глубокий, чем его простые слова.

— Нечего ждать!.. Только войско из-за вас страдает...

— Стрелять будете в нас? — спросил его молодой человек в башлыке.

Фельдфебель помолчал и спокойно ответил:

— Прикажут — будем!

Это вызвало взрыв укоризненных замечаний, ругательств, насмешек.

— За что? За что? — спрашивал громче всех высокий рыжий человек.

— Не слушаете приказания начальства! — объяснил фельдфебель, потирая ухо.

Солдаты слушали говор толпы и уныло мигали. Один тихо воскликнул:

— Горячего бы чего-нибудь теперь!..

— Крови моей — хочешь? — спросил его чей-то злой, тоскливый голос.

— Я — не зверь! — угрюмо и обиженно отозвался солдат.

Много глаз смотрели в широкое, приплюснутое лицо длинной линии солдат с холодным, молчаливым любопытством, с презрением, гадливостью. Но большинство пыталось разогреть их огнем своего возбуждения, пошевелить что-то в крепко сжатых казармою сердцах, в головах, засоренных хламом казенной выучки.

Все горячее звучали речи, все более ярки становились слова.

— Солдаты! — говорил плотный мужчина, с большой бородой и голубыми глазами. — Кто вы? Вы дети русского народа. Обеднял народ, забыт он, оставлен без защиты, без работы и хлеба. Вот он пошел сегодня просить царя о помощи, а царь велит вам стрелять в него, убивать. Солдаты! Народ, — отцы и братья ваши, — хлопочет не только за себя, — а и за вас. Вас ставят против народа, толкают на отцеубийство, братоубийство. Подумайте! Разве вы не понимаете, что против себя идете?..

Этот голос, спокойный и ровный, хорошее лицо и седые волосы в бороде, весь облик человека и его простые, верные слова, видимо, волновали солдат. Опуская глаза перед его взглядом, они слушали внимательно, иной, покачивая головой, вздыхал, другие, хмурили брови, оглядывались, кто-то негромко посоветовал:

— Отойди, — офицер услышит!

Офицер, высокий, белобрысый, с большими усами, медленно шел вдоль фронта и, натягивая на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:

— Ра-азайдись!.. Па-ашел прочь! Что? Пагавари, — я тебе пагаварю!..

Лицо у него было толстое, красное, глаза круглые, светлые, но без блеска. Он шел не торопясь, твердо ударяя ногами в землю. За ним точно вытягивалась невидимая линейка, ровняя фронт солдат, они подбирали животы, выпячивали груди,

посматривали на носки сапог. Некоторые из них указывали людям глазами на офицера и делали сердитые гримасы. Остановясь на фланге, офицер крикнул:

— Смирно-о!

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись, — сказал офицер и не торопясь вынул из ножен шашку.

Разойтись было физически невозможно, — толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ.

На офицера смотрели с ненавистью, он слышал насмешки, ругательства, но стоял под их ударами твердо, неподвижно. Его взгляд мертво осматривал роту, брови чуть-чуть вздрагивали. Публика шумела, ее раздражало это спокойствие, слишком нечеловеческое, чтобы быть уместным в эти минуты.

— Этот — скомандует!

— Он без команды готов рубить...

— Ишь, вытащил селедку-то...

— Эй, барин! Убивать — готов?

Разрастался буйный задор, являлось чувство беззаботной и безнадежной удали, крики звучали громче, насмешки — резче.

Фельдфебель взглянул на офицера, вздрогнул, побледнел и тоже быстро вынул саблю.

Вдруг раздалось зловещее пение рожка. Публика смотрела на горниста — он так странно надул щеки и выкатил глаза, рожок дрожал в его руке и пел слишком долго. Люди заглушили гнусавый, медный крик громким свистом, воем, визгом, возгласами проклятий, словами укоров, стонами тоскливого бессилия, криками отчаяния. Несколько темных фигур бросились на землю и прижались к ней, иные закрывали руками лица, а человек с большой бородой распахнул на груди пальто и стоял впереди всех, глядя на солдат голубыми глазами. И говорил, все говорил им что-то, неслышное, утопающее в хаосе криков.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, сторожкой позе, вытянув к толпе штыки.

Было видно, что линия штыков висела в воздухе неспокойно, неровно — одни слишком поднялись вверх, другие наклонились вниз, лишь немногие смотрели прямо в груди людей, и все они казались мягкими, дрожали и точно таяли, сгибались.

— Чей-то голос громко, с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули, испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падениями мерт-

вых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулею на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами. Высокая стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Проклятые!.. — крикнул кто-то.

Стало просторней и тише. Задние убегали в улицы, во дворы, толпа тяжело отступала, повинуясь невидимым толчкам. Между ею и солдатами образовалось несколько сажен земли, сплошь покрытой телами. Одни из них, вставая, быстро отбегали к людям, другие поднимались с тяжелыми усилиями, оставляя за собой пятна крови, они шатаясь тоже куда-то шли, и кровь текла вслед за ними. Много людей лежало неподвижно, вверх лицом, и вниз, и на боку, но все вытянувшись, в странном напряжении тела, схваченного смертью и точно вырывавшегося из рук ее...

Толпа, отступая, охала; проклятия, ругательства и крики боли сливались в пестрый вихрь со свистом, уханьем и стонами; солдаты стояли твердо и были так же неподвижны, как мертвые. Лица у них посерели, и губы плотно сжались, точно все эти люди тоже хотели кричать и свистеть, но не решались, сдерживались. Они смотрели прямо

перед собой широко открытыми глазами и уже не мигали. В этом взгляде не было заметно что-либо человеческое, казалось, что они не видят ничего, эти опустошенные мутные точки на серых, вытянутых лицах. Ружья дрожали в их руках, штыки колебались, сверлили воздух. С земли поднялся бородатый голубоглазый человек и снова начал говорить рыдающим голосом, весь вздрагивая:

— Меня — не убили. Это потому, что я говорил вам святую правду...

Толпа угрюмо и медленно подвигалась вперед, убирая мертвых и раненых. Несколько человек встало рядом с тем, который говорил солдатам, и тоже, перебивая его речь, кричали, уговаривали, упрекали, беззлобно, с тоской и состраданием.

Офицер вынул из чехла револьвер, внимательно осмотрел его и пошел к этой группе людей. Она сторонилась от него не спеша, как сторонятся от камня, который не быстро катится с горы. Голубоглазый бородатый человек не двигался, встречая офицера словами горячей укоризны, широким жестом указывая на кровь вокруг:

— Чем это оправдать, подумайте? Нет оправдания!

Офицер встал перед ним, озабоченно насупил брови, вытянул руку. Выстрела не было слышно, был виден дым, он окружил руку убийцы раз, два

и три. После третьего раза человек согнул ноги, запрокинулся назад, взмахивая правой рукой, и упал. К убийце бросились со всех сторон, он отступал, махая шашкой, совал ко всем свой револьвер... Какой-то подросток упал под ноги ему, он его ткнул шашкой в живот. Кричал ревущим голосом, прыгал во все стороны, как упрямая лошадь. Кто-то бросил ему шапкой в лицо, бросали комьями окровавленного снега. К нему подбежал фельдфебель и несколько солдат, выставив вперед штыки, тогда нападавшие разбежались. Победитель грозил саблей вслед им, а потом вдруг опустил ее и еще раз воткнул в тело подростка, ползавшего у его ног, теряя кровь.

И снова гнусаво запел рожок. Люди быстро очищали площадь пред этим звуком, а он тонко извивался в воздухе и точно дочерчивал пустые глаза солдат, храбрость офицера, его красную на конце шашку, растрепавшиеся усы...

Офицер стоял на фланге и, взмахивая шашкой, что-то кричал, отрывисто, гневно, дико.

С разных концов в ответ ему неслись крики:

— Палач!

— Мерзавец!

Он начал приводить в порядок свои усы.

Выйдя из крепости, Горький продол-

жает работать для революции. Он примыкает к партии большевиков и принимает участие в организации вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года.

Вскоре царское правительство возобновило преследование Горького и он должен был уехать за границу, в Америку.

В Америке он выступает на митингах, агитируя за помощь русской революции. Там же он пишет статьи, клеймящие царя и его свору. А когда французская буржуазия одолжила царю деньги на подавление революции, Горький выступил с резкой отповедью этому позорному делу.

«Когда власть будет в руках народа, — писал Горький, — ему напомнят о банкирах Франции, помогавших семейству Романовых бороться против свободы.

Я уверен, что русский народ не возвратит Франции займов, уже оплаченных им своей кровью.

Не возвратит!»

Все эти выступления сделали невозможным возвращение Горького в Россию. Он поселяется в Италии, на острове Капри, и там пишет одно из самых больших своих произведений, — роман «Мать», в котором

рассказывается о героической борьбе русских рабочих. В романе этом изображена мать одного из рабочих-революционеров. Она не только несет на себе всю тяжесть тревоги за судьбу сына, но и сама помогает передовому отряду рабочих, пронося прокламации, подвергаясь арестам и т. п.

Роман «Мать» имел громадное агитационное значение для русских и иностранных рабочих.

В другом романе «Лето» он изобразил новую деревню после революции 1905 года. Попрежнему там хозяйничают помещик, земский начальник и урядник, но уже пробуждаются новые силы, которые сметут их господство.

Восемь лет прожил Горький в Италии. В это время он близко сошелся с Владимиром Ильичем Лениным и вместе с ним работал в партии большевиков.

Вернувшись в Россию в 1914 году, Горький много раз выступает против подлой войны, которую затеяли в своих интересах капиталисты всех стран.

Царская полиция уже готовилась закрыть журнал, в котором работал Горький, но помешала революция 1917 года.

После Октябрьской революции Горький работает рука об руку с советской властью, поддерживая русских ученых и писателей и издавая дешевые книги для народа.

Из сочинений Горького последнего времени замечательна большая повесть в трех частях:

«Детство», «В людях» и «Мои университеты».

В них он рассказал всю свою жизнь, все самое тяжелое и горькое, что пришлось ему испытать. Для чего он рассказал это? Для того, чтобы показать людям, сколько грязного, подлого и жестокого есть еще в нашей жизни, с чем нужно всем нам бороться.

«Это живучая, подлая правда, — писал он, — она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей, тяжкой и позорной».

Но Горький не остановился на этом. Он показал и то, что есть в нашей жизни доброго и радостного, показал, как «через пласт всякой скотской дряни победно прорастает яркое, здоровое и творческое, ра-

стет доброе, человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

Бороться за наступление счастливой и справедливой жизни — такова цель всех сочинений Горького.

В 1921 году Горький уезжает опять за границу.

Выстрел в грудь и сиденье в царских тюрьмах дают себя знать: давно у Горького развился туберкулез — болезнь легких.

Сейчас Горький живет в Италии и, несмотря на болезнь, работает над новыми художественными произведениями.

«Я работал много и по сию пору работаю и до смерти буду» — писал Горький в одном письме.

И это — правда.